

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ.

=

СКАЗКА

0

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

=

Царь съ Царицею простился,
Въ путь-дорогу снаряжился,
И Царица у окна
Съма ждатель его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотрить въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи

Съ бѣлой зори до ночи,
 Не видать милова друга!
 Только видить: вьется выюга,
 Снѣгъ валяется на поля,
 Вся бѣлшенька земля.
 Девять мѣсяцевъ проходить,
 Съ поля глазъ она не сводить.
 Вотъ въ сочельникъ самый, въ ночь
 Богъ даетъ Царицѣ дочь.
 Рано утромъ гость желанный,
 День и ночь такъ долго жданный,
 Издалеча, наконецъ
 Воротился Царь отецъ.
 На него она взглянула,
 Тяжелешенько вздохнула,
 Восхищенья не снесла,
 И къ обѣднѣ умерла.

Долго Царь былъ неутѣшенъ,
 Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
 Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
 Царь женился на другой.
 Правду молвить, молодница
 Ужъ и впрямь была Царица:
 Высока, стройна, бѣла,
 И умомъ и всѣмъ взяла;
 Но за то горда, ломлива,
 Своенравна и ревнива.
 Ей въ приданое дано
 Было зеркальце одно;
 Свойство зеркальце имѣло:
 Говорить оно умѣло.
 Съ нимъ однимъ она была
 Добродушна, весела,
 Съ нимъ приветливо шутила,
 И красуясь говорила:
 «Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,

«Да всю правду доложи:
 «Я ль на свѣтъ всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяный и бѣлѣ?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты, конечно, спору нѣтъ;
 «Ты, Царица, всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяный и бѣлѣ.»
 И Царица хохотать,
 И плечами пожимать,
 И подмигивать глазами,
 И прищелкивать перстами,
 И вертѣться подбочась,
 Гордо въ зеркальце глядясь.

Но Царевна молодая,
 Тихомолкомъ разцвѣтая,
 Между тѣмъ росла, росла,
 Поднялась — и разцвѣла.
 Бѣлолица, черноброва,
 Нраву кроткаго такова.
 И женихъ сыскался ей,
 Королевичъ Елисей.
 Сватъ пріѣхалъ, Царь далъ слово,
 А приданое готово:
 Семь торговыхъ городовъ,
 Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
 Вотъ Царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемовилася съ нимъ.
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяный и бѣлѣ?»
 Что же зеркальце въ отвѣтъ?
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 «Но Царевна всѣхъ милѣ,
 «Всѣхъ румяный и бѣлѣ.»

*

Какъ Царица отпрыгнетъ,
 Да какъ ручку замахнетъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!.....,
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Вишь какая подросла!
 И не диво, что бѣла;
 Мать беременна сидѣла,
 Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемя меня милѣй?
 Признавайся: встѣхъ я краше.
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь міръ; мнѣ ровной нѣтъ.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъъ:
 «А Царевна все жъ милѣе,
 Все жъ румянѣй и бѣлѣе.»
 Дѣлать нѣчего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Сынной дѣвушкѣ своей,
 Везть Царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую
 Подъ сосной оставить тамъ
 На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
 Спорить нѣчего. Съ Царевной
 Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
 И въ такую даль свела,
 Что Царевна догадалась,
 И до смерти испугалась,

И взмолилась. «Жизнь моя!
 Въ чемъ, скажи, виновна я?
 Не губи меня, дѣвица!
 А какъ буду я Царица,
 Я пожалую тебя.»
 Та, въ душѣ ее любя,
 Не убила, не связала,
 Отпустила и сказала:
 «Не кручинься, Богъ съ тобой.»
 А сама пришла домой.
 «Что?» сказала ей Царица,
 «Гдѣ красавица-дѣвица?»
 — «Тамъ въ лѣсу, стоитъ одна,»
 Отвѣчаетъ ей она;
 «Крѣпко связаны ей локти;
 Понадется звѣрю въ когти,
 Меньше будетъ ей терпѣть,
 Легче будетъ умереть.»

И молва трезвонить стала:
 Дочка Царская пропала!
 Тужить бѣдный Царь по ней.
 Королевичъ Елисей,
 Помолясь усердно Богу,
 Отправляется въ дорогу
 За красавицей-душой,
 За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
 До зари въ лѣсу блуждая,
 Между тѣмъ все шла да шла,
 И на теремъ набрела.
 Ей на встрѣчу песь, залая,
 Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
 Въ ворота вошла она,
 На подворьѣ тишина.
 Песь бѣжить за ней, ласкаясь,

А Царевна, подбираясь,
 Поднялася на крыльцо
 И взялася за кольцо;
 Дверь тихонько отворилась,
 И Царевна очутилась.
 Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
 Лавки, крытыя ковромъ,
 Подъ святыми столъ дубовый,
 Печь съ лежанкой изразцовой.
 Видитъ двѣица, что тутъ
 Люди добрые живутъ;
 Знать, не будетъ ей обидно.
 Никого межъ тѣмъ не видно.
 Домъ Царевна обошла,
 Все порядкомъ убрала,
 Засвѣтила Богу свѣчку,
 Загомила жарко печку,
 На палаты взобралась
 И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался,
 Топотъ по двору раздался:
 Входятъ семь богатырей,
 Семь румяныхъ усачей.
 Старшій молвилъ: «Что за диво!
 Все такъ чисто и красиво.
 Кто-то теремъ прибираль,
 Да хозяевъ поджидалъ.
 Кто же? выдь и покажися,
 Съ нами чинно подружися:
 Колю ты старый человекъ,
 Дядей будешь намъ навѣкъ.
 Коли парень ты румяный,
 Будешь братецъ намъ названный.
 Колю старушка, будь намъ мать,
 Такъ и станемъ величать.

Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»

И Царевна къ нимъ сошла,
Честь козямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закрасѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносъ подавали.
Отъ зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ, мелькая,
А Царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкимъ плечъ

У Татарина отсычь,
 Или вытравить изъ лѣса
 Пятигорскаго Черкеса.
 А хозяйошкой она
 Въ терему межъ тѣмъ одна
 Прибереть и приготовить.
 Имъ она не прекословить,
 Не перечать ей они.
 Такъ идуть за днями дни.

Братя милую дѣвицу
 Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
 Разъ, лишь только разсвѣло,
 Всѣхъ ихъ семеро вошло.
 Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
 Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
 Всѣхъ насъ семеро, тебя
 Всѣ мы любимъ, за себя
 Взять тебя мы всѣ бы ради,
 Да нельзя, такъ Бога ради,
 Помири насъ какъ нибудь:
 Одному женою будь,
 Прочимъ ласковой сестрою.
 Что жъ качаешь головою?
 Аль отказываешь намъ?
 Аль товаръ не по купцамъ?»

— «Ой вы, молодцы честные,
 Братцы вы мои родные,»
 Имъ Царевна говоритъ:
 «Кои лгу, пусть Богъ велить
 Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
 Какъ мнѣ быть? вѣдь я певѣста.
 Для меня вы всѣ равны,
 Всѣ удалы, всѣ умны,
 Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
 Но другому я навѣчно

Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.»

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
Спрось не грѣхъ. «Прости ты насъ,»
Старшій молвилъ поклонясь:
«Коли такъ, не зайкнуса
Ужъ о томъ.» — «Я не сержуса,»
Тихо молвила она;
«И отказъ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ Царица злая,
Про Царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и съѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъъ;
Но живетъ безъ всякой славы.
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.»
И Царица налетѣла

На Чернавку: «Какъ ты смѣла
 Обмануть меня? и въ чемъ!....»
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила иль не жить,
 Иль Царевну погубить.

Разъ Царевна молодая,
 Милыхъ братьевъ поджидая,
 Пряла, сидя подъ окномъ.
 Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
 Песъ залаялъ, и дѣвица
 Видитъ: нищая черница
 Ходитъ по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко,»
 Ей кричитъ она въ окошко,
 «Тригрожу сама я псу
 И кой-что тебѣ снесу.»
 Отвѣчаетъ ей черница:
 «Охъ ты, дитятко дѣвица!
 Песъ проклятый одолялъ,
 Чуть до смерти не залялъ.
 Посмотри, какъ онъ хлопочеть!
 Выдь ко мнѣ. — Царевна хочеть
 Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
 Но съ крылечка лишь сошла,
 Песъ ей подъ ноги — и лаеть,
 И къ старухѣ не пускаеть;
 Лишь пойдетъ старуха къ ней,
 Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
 На старуху. Что за чудо?
 «Видно выспался онъ худо,»
 Ей Царевна говоритъ;
 «На жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
 Старушонка хлѣбъ поймала;

«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ Царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но Царевна въ объ руки,
Хватъ — поймала. «Ряди скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ Царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотреть, громко воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочеть ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ пѣжною рукою;
Что, Соколко, что съ тобою?
Лягъ! и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу съла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....

Вдругъ она, моя душа,
 Пошатнулась не дыша,
 Бѣлы руки опустила,
 Плодъ румяный уронила,
 Закатилися глаза,
 И она подъ образа
 Головой на лавку пала
 И тиха, недвижна стала....

Братья въ ту пору домой
 Возвращались толпой
 Съ молодецкаго разбоя.
 Имъ на встрѣчу, громко воя,
 Песъ бѣжить и ко двору
 Путь имъ кажетъ. Не къ добру!
 Братья молвили; печали
 Не микуемъ. Прискакали,
 Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
 Песъ на яблоко стремглавъ
 Съ лаемъ кинулся, озлился,
 Проглотилъ его, свалился
 И издохъ. Напоено
 Было ядомъ знать оно.
 Передъ мертвою Царевной
 Братья въ горести душевной
 Всѣ поникли головой,
 И съ молитвою святой
 Съ лавки подняли, одѣли,
 Хоронить ее хотѣли
 И раздумали. Она,
 Какъ подъ крылышкомъ у сна,
 Такъ тиха, свѣжа лежала,
 Что лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не возстала ото сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный,
 Вотъ они во гробъ хрустальный

Трупъ Царевны молодой
 Положили, и толпой
 Понесли въ Пустую гору,
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ
 На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградилъ;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «Спи во гробѣ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
 На землѣ твоя краса;
 Духъ твой примутъ небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима —
 Не досталась никому,
 Только гробу одному.»

Въ тотъ же день Царица злая,
 Доброй вѣсти ожидая,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, Царица, спору нѣтъ,
 Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своею
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
 Нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
 И кого ни спросить онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
 Кто въ глаза ему смѣется,

Кто скорѣ отвернется;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обратился молодець.
 «Свѣтъ нашъ солнышко! Ты ходишь
 Круглый годъ по небу, сводишь
 Зиму съ теплою весной,
 Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтъ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.» — «Свѣтъ ты мой,»
 Красно солнце отвѣчало:
 «Я Царевны не видало.
 «Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 «Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 «Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
 «Или слѣдъ ея замѣтилъ.»

Темной ночи Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
 «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тмѣ глубокой,
 Круглолицый, свѣтлоокой,
 И обычай твой любя,
 Звѣзды смотрятъ на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтъ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ей.» — «Братецъ мой,»
 Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
 «Не видалъ я дѣвы красной.
 На сторожѣ я стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня Царевна видно

Пробьжала.» — «Какъ обидно!»
 Королевичъ отвѣчалъ.
 Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
 «Погоди; объ ней быть можетъ
 Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
 Ты къ нему теперь ступай,
 Не печалься же, прощай.»

Елиссй не унывая
 Къ вѣтру кинулся, зывая:
 «Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
 Ты гоняешь стаи тучъ,
 Ты волнуешь сине море,
 Всюду вѣешь на просторъ,
 Не боишься никого,
 Кромѣ Бога одного.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты Царевны молодой?
 Я женихъ ея.» — «Постой,»
 Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
 «Тамъ за рѣчкой тихоструйной
 Есть высокая гора,
 Въ ней глубокая нора;
 Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной
 На цѣпяхъ между столбовъ.
 Не видать ни чьихъ следовъ
 Вкругъ того пустаго мѣста,
 Въ томъ гробу твоя невѣста.»

Вѣтеръ далъ побьжалъ.
 Королевичъ зарыдалъ,
 И пошелъ къ пустому мѣсту,
 На прекрасную невѣсту
 Посмотрѣть еще хоть разъ.
 Вогъ идетъ; и поднялась

Передъ нимъ гора крутая;
 Вкругъ нее страна пустая;
 Подъ горою темный входъ.
 Онъ туда скорѣй идетъ.
 Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
 Гробъ качается хрустальной,
 И въ хрустальномъ гробѣ томъ
 Спять Царевна вѣчнымъ сномъ.

И о гробъ невѣсты милой
 Онъ ударился всей силой.
 Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
 Ожила. Глядитъ вокругъ
 Изумленными глазами,
 И качаясь надъ цѣпями,
 Привздохнувъ, произнесла:
 «Какъ же долго я спала!»
 И встаетъ она изъ гроба....
 Ахъ!... и зарыдали оба.
 Въ руки онъ ее беретъ
 И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
 И бесѣдуя пріятно,
 Въ путь пускаются обратно,
 И трубить уже молва:
 Дочка Царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
 Злая мачиха сидѣла
 Передъ зеркальцемъ своимъ
 И бесѣдовала съ нимъ,
 Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, слова нѣтъ,
 Но Царевна все жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе.»
 Злая мачиха, вскочивъ,

Объ полъ зеркальце разбивъ,
 Въ двери прямо побѣжала
 И Царевну повстрѣчала.
 Тутъ ее тоска взяла,
 И Царица умерла.
 Лишь ее похоронили,
 Свадьбу тотчасъ учинили,
 И съ невестою своею
 Обвѣнчался Елисей;
 И никто съ начала міра
 Не видалъ такого пира;
 Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ,
 Да усы лишь обмочилъ.

А. ПУШКИНЪ.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

=

Онъ былъ въ веснѣ своей
 Въ землѣ обѣтованной,
 И много славныхъ дней
 Провелъ въ тревогѣ бранной.
 Тамъ вѣтку отъ святой
 Оливы оторвалъ онъ;
 На шлемъ желѣзный свой
 Ту вѣтку навязалъ онъ.
 Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
 Нося ту вѣтку, бился,
 И съ нею въ отчій домъ
 Прославленъ возвратился.
 Ту вѣтку посадилъ
 Самъ въ землю онъ родную,
 И часто приносилъ
 Ей воду ключевую.